

Н. В. Хованов

профессор кафедры экономической кибернетики
Санкт-Петербургского государственного университета

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ МЕТАДЕНЕГ

Вот уже несколько тысячелетий (где-то со времен великих шумеро-вавилонских и египетских деспотий XX–XVIII вв. до н.э.) такой важный общественный институт, каким являются деньги, функционирующие в качестве легального средства платежа практически по всем обязательствам (фискальным, торговым, долговым, полицейским и т. д.) всех субъектов социально-экономической деятельности (отдельных граждан, цехов, сословий, классов, конфессий и т. д.), в существенной степени зависит от государственной власти, эмитирующей денежные знаки (Ingham, 2004; Клapp, 1973). Действительно, вряд ли что-либо, кроме сильной централизованной власти, могло обеспечить, например, обязательный платеж в размере трети мины серебра, предусмотренный за выбитый зуб вольноотпущенника по статье 201 Кодекса законов Хаммурапи (XVIII в. до н.э.), или гарантировать судостроителю выплату заказчиком двух сиклей серебра за построенное судно определенной вместимости (ст. 234 упомянутого Кодекса) (Волков, 1914). Такая зависимость от государственной власти способности денег выполнять свои основные функции имеет место и в настоящее время — как справедливо заметил Роберт Манделл, «твердые валюты суть дети империй и великих держав. Доллар стал величайшей валютой XX в. потому, что Америка стала супердержавой» (Mundell, 2000). По-видимому, деньги будут существовать в форме национальных валют еще долгое время (Cooper, 1988). Во всяком случае, «денационализация денег все еще не входит в область политической реальности» (White, 1988).

Таким образом, можно сформулировать первый тезис феноменологической теории, указав на феномен, состоящий в том, что в основе всей мировой денежной системы лежат национальные валюты, эмитируемые суверенными государствами.

Указанная зависимость национальных денег от эмитирующего их суверенного государства дает возможность властям такого государства регулировать (в определенных пределах, разумеется) курс своей валюты относительно курсов других валют и цен товаров, деноминированных в национальной валюте, за счет интервенций на денежных рынках, манипуляций с процентной ставкой и других действий (включая полицейские и военные операции) в интересах своей экономики и политики. Аналогичные действия других государств вызывают колебания взаимных курсов и цен практически всех свободно конвертируемых валют и торгуемых товаров. Еще больший хаос в движение валютных курсов вносят действия международных спекулянтов, которым для получения прибыли необходим определенный уровень нестабильности коэффициентов обмена национальных валют. Заметим сразу же, что роль валютной спекуляции амбива-

лентна — с одной стороны, она существенно увеличивает волатильность денежного рынка, но, с другой стороны, эта же спекуляция делает ликвидными различные инструменты хеджирования валютного риска, основанные на форвардных валютных сделках (Рэдхэд, Хьюс, 1996; Knight, 1921).

Такая эмпирически наблюдаемая волатильность (изменчивость) относительной меновой ценности валют влечет возникновение валютных рисков при финансово-экономических операциях, использующих для расчета разные национальные валюты, а в современной глобализированной экономике волатильность меновой ценности валют вызывает, в свою очередь, нестабильность цен на товары и услуги, т. е. порождает ценовые риски.

Таким образом, можно сформулировать второй тезис феноменологической теории, указав на феномен, состоящий в том, что способность каждого суверенного государства частично влиять на курс своей национальной валюты в сочетании со стремлением международных валютных спекулянтов к прибыли ведут к существенному уровню изменчивости взаимных курсов (коэффициентов обмена, меновой ценности) национальных валют.

Указанный хорошо известный феномен нестабильности меновой ценности практически всех свободно конвертируемых национальных валют делает сомнительной возможность решения весьма актуальной для мировой экономики проблемы минимизации валютных и ценовых рисков за счет выбора какой-либо (неизбежно нестабильной) национальной валюты, в единицах которой должна измеряться ценность всех других валют и товаров. Поэтому следует обратить внимание на столь же хорошо известный феномен денежного рынка, состоящий в том, что составные (сложные, агрегированные) валюты, представляющие собой наборы («корзины») национальных валют, зачастую демонстрируют (причем на достаточно продолжительных промежутках времени) стабильность, существенно превышающую (за счет хорошо известного эффекта диверсификации) стабильность отдельных национальных валют, входящих в «валютный коктейль» (*currency cocktail*) (Рэдхэд, Хьюс, 1996). Такую повышенную стабильность уже в течение многих десятилетий демонстрируют, например, так называемые «специальные права заимствования», представляющие собой агрегированную денежную счетную единицу МВФ, а также другие денежные и товарно-денежные агрегаты (Graham, 1937; Hart, Kaldor, Tinbergen, 1964; Ijiri, 1995).

Таким образом, можно сформулировать третий тезис феноменологической теории, указав на феномен, состоящий в том, что наблюдаемая волатильность валютных и валютно-товарных «корзин», измеряемая, например, дисперсией соответствующих временных рядов значений коэффициентов обмена или других индексов меновой ценности, зачастую существенно ниже аналогично измеряемой волатильности меновой ценности отдельных экономических благ (валют, товаров и т. д.) как входящих, так и не входящих в соответствующий агрегат.

Указанные три основных феномена современного денежного рынка (существование денег в основном в форме национальных валют, эмитируемых суверенными в той или иной степени государствами, сравнительно большая нестабильность меновой ценности национальных валют и сравнительно меньшая нестабильность меновой ценности валютных, товарных и товарно-валютных агрегатов) могут быть положены, по нашему мнению, в основу феноменологической теории стабильных агрегированных валют. Заметный рост числа и значимости выполняемых функций таких относительно стабильных агрегированных валют позволяет говорить о новом этапе развития формы денег, который следует за предшествующим этапом практически полного господства национально-валютной формы денег. Поэтому, современным деньгам, выступающим в форме различных «корзин» национальных валют, можно сопоставить, используя основное значение «следовать за, после» приставки «мета» (*μετ'α*) в древнегреческом языке, термин «метаденьги» (*metamoney, m-money, m²oney*).

Первой целью построения любой феноменологической теории, является, по определению «Британской энциклопедии» (2003 г.), «непосредственное исследование и описание даваемых опытом феноменов (явлений) без теоретизирования об их причинном объяснении и столь свободные от неосознанных представлений и понятий, насколько это возможно». Поэтому в развиваемой феноменологической теории стабильных метаденег мы, прежде всего, укажем на чисто эмпирическую интерпретацию наблюдаемых временных рядов значений обменных коэффициентов различных национальных валют.

Обычно в рамках эконометрики наблюдаемый временной ряд $x(t)$ трактуется как реализация некоторого ненаблюдаемого стохастического процесса $x(t)$. Соответственно все эмпирические (выборочные) статистики (т. е., определенные функции от наблюдаемых значений $x(1), \dots, x(T)$) рассматриваются как выборочные оценки соответствующих ненаблюдаемых генеральных параметров процесса $x(t)$. Но в феноменологической теории обычно предпочитают иметь дело только с наблюдаемыми величинами $x(1), \dots, x(T)$, оставляя для дальнейшего исследования возможные теоретические модели порождения этих наблюдаемых величин. Поэтому мы будем рассматривать обычные выборочные статистики, построенные на основе наблюдаемых величин $x(1), \dots, x(T)$ (среднее значение, среднее квадратичное отклонение и т. д.), просто как удобные и наглядные характеристики соответствующего временного ряда. Например, мы будем интерпретировать среднее значение временного ряда $x(t)$, $t=1, \dots, T$, как «центр масс», расположенных на временной оси в точках $x(1), \dots, x(T)$, причем величина каждой такой массы равна $1/T$. Такая «геометрико-механическая» интерпретация статистик временного ряда хорошо согласуется со здравым смыслом исследователей и имеет строгое математическое обоснование (Brunk, Gref, 1964).

В наших работах (см. например: Хованов, 2000; Колари, Соколов, Федотов, Хованов, 2001; Hovanov, Kolari, Sokolov, 2004) предложен один из возможных методов построения, в рамках предлагаемой феноменологической теории, агрегированной валюты минимальной волатильности, состоящей из определенных национальных валют, оптимальные количества которых выбираются по эмпирическим временным рядам значений курсов национальных валют в соответствии с критерием минимизации дисперсии, играющей роль меры волатильности. Такая стабильная агрегированная валюта (SAC — Stable Aggregated Currency) практически не зависит от колебаний курсов отдельных национальных валют, входящих в состав корзины, определяющей данную агрегированную валюту. Поэтому эта агрегированная валюта минимальной волатильности может быть использована для деноминации любых финансово-экономических контрактов с целью максимально полного хеджирования валютных рисков этих сделок.

Разработанная феноменологическая концепция стабильных метаденег может найти применение при решении следующего ряда важных и актуальных финансово-экономических задач, стоящих перед Россией.

1. Построение стабильной агрегированной валюты (валюты минимального риска), представляющей собой «корзину» свободно торгуемых валют различных стран, что позволит резко сократить все виды валютных рисков внешнеэкономических сделок российских частных и государственных компаний.

2. Использование агрегированной валюты минимального риска ведет к существенному снижению роли доллара США при определении цен на сырьевые ресурсы (нефть, газ, уголь, металлы, сельскохозяйственная продукция и т. д.). При этом переход от американского доллара к SAC не имеет такого явно конфронтационного характера, которым чреват, например, переход от доллара к евро при исчислении цен на нефть (все помнят незавидную судьбу Ирака, поспевающего продавать свою нефть на евро).

3. При использовании стабильной агрегированной валюты для определения рублевых цен на импортные товары и для расчетов внутри страны может быть существенно снижен уровень «долларизации» российской экономики.

4. Использование агрегированной валюты минимального риска в качестве «мировых денег» позволит радикально снизить давление со стороны так называемых «горячих денег», огромные объемы которых управляются небольшой группой международных спекулянтов. Такое отсеечение спекулятивных «горячих денег» может существенно повысить безопасность российской финансовой системы.

5. Применение в качестве международной счетной единицы агрегированной валюты минимального риска или стабильной агрегированной товарной валюты позволит определять «истинную ценность» как валют других стран, так и производимых этими странами товаров (например, нефти, производимой в странах ОПЕК), конкурирующих с товарами российского производства.

Для эффективной работы описанных экономических инструментов, основанных на использовании минимального риска, необходимо наладить систему постоянного мониторинга товарных и денежных мировых рынков, что позволит избежать многих болезненных явлений, связанных с вхождением России в глобализированную мировую экономику.

Источники

- Волков И.М.* Законы вавилонского царя Хаммурапи. М., 1914.
- Колари Дж., Соколов М.В., Федотов Ю.В., Хованов Н.В.* Простая модель обмена: показатели мериальной ценности благ // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2001. № 13. С. 141–147.
- Рэдхэд К., Хьюс С.* Управление финансовыми рисками. М., 1996.
- Хованов Н.В.* Стабильные счетные единицы – основа информационного обеспечения финансово-экономической деятельности // Тезисы докладов 7-й Международной конференции «Региональная информатика – 2000». Санкт-Петербург, 5–8 декабря 2000 г. СПб., 2000. Ч. 1.
- Brunk H., Gref L.* A geometrical approach to probability // Mathematics Magazine. 1964. Vol. 37. P. 287–296.
- Cooper R.* Toward an international commodity standard? // Cato Journal. 1988. Vol. 8. N 2. P. 315–338.
- Graham B.* Storage and Stability. N.Y., 1937.
- Hart A., Kaldor N., Tinbergen J.* The case for an international commodity reserve currency // Kaldor N. (ed.) Essays in Economic Policy. N.Y., 1964. Vol. 2. P. 131–177.
- Hovanov N.V., Kolari J.W., Sokolov M.V.* Computing currency invariant indices with an application to minimum variance currency // The Journal of Economic Dynamics and Control. 2004. Vol. 28. P. 1481–1504.
- Ijiri Y.* Global financial reporting using a composite currency: an aggregation theory perspective // The International Journal of Accounting. 1995. Vol. 30. P. 95–106.
- Ingham G.* The Nature of Money. Cambridge, 2004.
- Knapp G.* The State Theory of Money. N.Y., 1973.
- Knight F.* Risk, Uncertainty, and Profit. Boston (MA), 1921.
- Mundell R.* Currency areas, exchange rate systems and international monetary reform // Journal of Applied Economics. 2000. Vol. 3. N 2. P. 217–256.
- White L.* Toward an international fiat standard? // Cato Journal. 1988. Vol. 8. N 2. P. 339–346.